Наталия Княжинская

ПРИСУТСТВИЕ

Наталия Княжинская

Присутствие

https://litres.ru/70507960
SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть «Присутствие» - это приключенческое фэнтези, история о компании друзей, проживающих в маленьком провинциальном городке. Все персонажи,

все события в произведении являются исключительно вымыслом автора.

Содержание

Глава 1 8
Глава 2 17
Глава 3 20
Глава 4 23
Глава 5 31
Глава 6 34
Глава 7 38
Глава 8 41
Глава 9 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Наталия Княжинская
Присутствие

Всё является вымыслом автора.

…
Нет ни конца, и нет начала
У того, что раскрывает
Вишни лепестки…

Вступление

– Мама! Я видела Его! Он здесь! Мама! Я говорила с Ним! Вот только что!

– Кто? Да кто же? Успокойся! Что-то приснилось тебе! Кто? Папа?

– Нет же! Не папа! Но Он! Христос! Он здесь! Мама! Он живой!

Она лежала с распахнутыми глазами и не могла пошевелиться, так как из самой сердцевины солнечного сплетения ввысь устремлялся столп света. Ни с чем не сравнимое чувство, непередаваемое по ощущениям. Этот столп Света она ощутила после того, как Он сказал ей:

– Идите по Земле с Миром!

Она была предназначена на потеху многотысячной толпы, на растерзание тиграм и львам. Шла по утоптанному пыльному песку и мелким острым камушкам босыми ногами, а вокруг скандировали те, кого она когда-то считала людьми:

– Ату ее! Э-гей! Выпускай хищников! Давай! Посмотрим, как она сотворит чудо!

Навстречу ей шел Некто. Издалека она разглядела белоснежные одежды. Тигров и львов еще не выпустили на арену. Первая острая мысль: «Ему угрожает опасность!» Но следом же – другая: «Он идет, чтобы меня спасти!»

Она бежит Ему навстречу, всё это какие-то мгновения, и вот, Он уже совсем рядом. Так близко, что она смотрит Ему прямо в глаза, но тут же отводит взгляд. Его глаза слишком чистые! Свет, сияние исходит от этих лучистых глаз.

Она падает на колени и обнимает Его ноги.

– Господи! Господи! Прости меня!

И ноги Его босы, как и ее.

– Прощаются тебе грехи твои! – слышит она в ответ. И

тогда она осмеливается молить еще! О самом сокровенном!

И снова она слышит ответ на свою мольбу:

– Идите по земле с миром!

Когда столп света исчез за потолком, она смогла посмотреть на часы. Ей казалось очень важным запомнить это время. Нужно бежать в храм, чтобы всем рассказать, что Он здесь!

– Мама! Мама, я видела Его! Он здесь! Он живой!

– Итак… Вы видите сны? Можете вспомнить какой-то из ваших снов?

– Да.

– Расскажете?

– Сухая, потрескавшаяся от жары земля, серый песок. Разъяренная толпа на трибунах вокруг. На этом песке, в самом центре этого жаркого пыльного круга – женщина. Совсем одна. Вот-вот выпустят хищников. И… Словно бы я и есть тот самый лев, который должен напасть на эту самую жертву. Ощущаю свое могущество и силу. Но женщина эта совершенно не источает страха. Скорее напротив. Она полна решимости и силы духа. В этот момент я вдруг понимаю, что должен спасти ее. Женщина падает передо мной на колени и

называет меня Господом! И тогда я решаю, что лучше не перечить ей, а ответить, как бы ответил Господь. А Он бы сказал: «Прощаются тебе грехи твои. Идите по земле с Миром».

Да. Именно так я ответил этой женщине.

– То есть вы были львом, а потом стали человеком?

– Да. Вернее… Как бы это сказать. Я понимаю, что это прозвучит странно…

– Вы сказали, что ответили так, как ответил бы Иисус. То есть вы имитировали Спасителя?

– Не знаю… Затрудняюсь ответить. Но этот сон был слишком реален. Я помню каждую деталь. Трибуны, шум, песок под ногами, ее шершавые горячие руки. Она обнимала мои ноги. Я шел по этой горячей земле босиком. И мне кажется, что я действительно спас эту женщину.

– Почему же вам так кажется?

– Нет, простите, мне не кажется. Точнее сказать, что я знаю.

– Хорошо. Хорошо. Ну что ж. Благодарю за доверие. На сегодня достаточно. Увидимся на следующей неделе. Постарайтесь не забывать вести дневник настроения. Всего хорошего.

Глава 1

– Это кто? А? Старик? Ты его знаешь? Вот ведь мы дали вчера… Ничего не помню.

Митрич с недоумением смотрел на мирно спящего хипаря, уютно укрытого любимым Арчиным пуховым одеялом, свернувшегося калачиком на старинном громоздком сундуке.

Аркаша, примостившийся на коврике рядом с клавесином, натянул овчинный полушубок на нос, заерзал недовольно и только пробурчал:

– А я предупреждал.

– Что предупреждал, кого предупреждал? Ну, перебрали малек. Бывает. Кто вчера приходил-то еще? Эх… ладно… – Митрич махнул рукой. – Чаю, чаю надо, да покрепче!

Он спустился по скрипучей лестнице и уже с первого этажа кричал наверх.

– Так кто приходил-то вчера? Чей приятель у нас на сундуке завис? – И, поняв, что никто ему не ответит, продолжил: – Предупреждал он! Значит, плохо предупреждил. – Митрич потер виски. Похлопал себя по затылку. Покрутил головой, разминая мышцы. – Вот ведь. Ничего не помню, хоть тресни. Кто был-то еще? – бубнил Митрич, зажигая плиту и наливая из дубовой кадушки алюминиевым черпа-

ком воду в старинный латунный чайник.

Заварив ароматный травяной чай, по собственному рецепту, Митрич разлил его всклинек по трем кружкам, предварительно поставив их на небольшой серебряный подносик, и очень аккуратно, чтобы не расплескать напиток, слегка позвякивая горячей посудой, пошел во двор.

– Да тут рай! – воскликнул Митрич. – Красота-то какая! А?! Гляди-ка! Проснулись, что ли?

Аркаша и тот хипарь, что спал на сундуке, уже примостились на лавке около поленницы и, как коты, жмурились на весеннее солнышко. Хипарь был одет в Аркашины старые, залатанные кое-где штаны и белую рубаху. Вещи были ему великоваты.

– Тепло-то как, а, друзья мои?! – блаженно улыбаясь, пробормотал Аркаша. – Яблоня вон скоро зацветет.

Митрич хмыкнул и заворчал деловито:

– Яблоня, яблоня! Вон чаю нам заварил. А?! Каков аромат? Зацените!

– Дааа! Кардамон чую, смородиновый лист точно есть, что еще? – принюхивался Аркадий.

– Да не гадай! Пейте уже! Сейчас быстро в норму придем! – И, уже обращаясь к хипарю: – Старик! Ты какими судьбами? Прости дурака, запамятовал! – аппетитно хлебнув из кружки, спросил Митрич.

– Да, по правде сказать, и я не помню ничего. Но я рад оказаться здесь с вами сейчас. Хорошо у вас тут. Тихо так и уютно.

– Хе, хе… Это сейчас тихо. А мы что, вчера, на волынке разве не играли? Темыч был тут? Ты Темыча знаешь? Нет? Ааа! Вот оно что! – вдруг хлопнув себя по лбу, воскликнул Митрич. – Тебя Анюта пригласила! Угу… А сама, значит, сбежала! Анюта хорошая! Скромная девушка. Такие вечеринки ей в тягость. Она тихоня. Ты ее парень, что ли?

Хипарь мягко улыбнулся.

– Да ладно, чего ты! Нормально всё! – И Митрич панибратски, но резковато стуканул хипаря по плечу.

– Зовут тебя как, приятель? Давай, что ли, заново уж знакомиться, раз такое дело! Ну не помню я! Прости уж!

Хипарь погрустнел и сказал:

– Я ничего не помню.

– Зовут как, говорю? Имя свое, что ли, забыл?

– Митрич! Ну ладно тебе! Видишь, отдыхает человек. Анюта придет, прояснит, – вступился за хипаря Аркадий. – Да и одежда его куда-то подевалась. Подшутил, что ли, кто. Не смогли найти. Пришлось свое старье отдать. Уж не обессудь, друг, – улыбнулся Аркаша хипарю.

Митрич только пожал плечами и, усевшись на пенек, уставился не моргая на полянку изумительных голубых подснеж-

ников.

– Вот ведь, природа… – прошептал большой, лысеющий уже мужчина, но в этот момент он казался совершенным ребенком, наивным и беззащитным.

И они втроем молча стали прихлебывать чай, погрузившись каждый в свои думы.

Молчание прервал телефонный звонок.

– Да! – Аркаша взял трубку.

– Хорошо всё. Сидим, чай пьем. Что? Какое светопредставление? Тихо всё. Не знаю. Не видели. Ага. Угу… Да нет же! Нет! Сейчас выйду, да. Хорошо. Эй! Погоди. А кто у нас был вчера? Ну вот… Не успел спросить.

– Слышишь? Что Темыч говорит? Ночью какое-то светопредставление было. То ли буря, то ли гроза. А мы не слышали ничего. Ты слышал?

– Нет!

– А ты, приятель?

– Нет….

– А ну-ка, пойдем, поглядим на улицу.

Они втроем встали и гуськом отправились по тропинке вдоль дома к калитке.

Улица выглядела весьма неопрятно. Старый, сухой высоченный вяз, который Митрич уже давно хотел спилить, но не мог добиться разрешения от властей, всё-таки упал, но, благо, упал на дорогу и только наискось перегородил проез-

жую часть, не повредив ни проводов, ни машин, ни соседних крыш. Верхушка его была словно обожжена, и дерево расщепилось на две ровные части.

Дорожный песок размыло бурными потоками воды, оставив глубокие борозды, в которых застряли непонятно откуда взявшиеся крупные бурые камни и лохматые пучки травы.

– Ничего себе! Это как же мы такое событие прозевали? – воскликнул Аркадий. – Ишь ты! Видно, молния, что ли, попала в него?! – бормотал он, разглядывая поваленное опаленное дерево.

– Мдааа… Мощно, видать, прокатилось. Ураган нехилый прям. Этот вяз чтоб свалить, это ж какая силища нужна!

Снова зазвонил телефон.

– Да? Нюта? Привет! – Арчи хитро подмигнул хипарю. – Да вот… Вышли поглядеть на улицу. Удивительно, согласен. Нет. Не слышали мы ничего! Да, согласен, что странно. Нюта! Слушай! Тут товарищ твой грустит. Ты бы, что ли, зашла его проведать?! Эээээээ…

Аркадий прикрыл трубку рукой, отвернулся и отошел в сторону.

– Ну что… Поработаем? – посмотрел Митрич на хипаря. – Надо вяз распилить да в сторону оттащить. Да? Подмо-

гнешь?

– Да.

– Ну. Тогда, старик, сейчас пилу достану и пойдем. Жди тут.

Митрич как-то неуклюже развернулся и потрусил по узкой тропинке в сарай, на задний двор, за пилой.

Издалека в их сторону медленно, по ухабам да рытвинам размытой дороги, двигалась легковушка.

Хипарь подошел к упавшему дереву и, взявшись за одну из самых больших и крепких веток, потащил всю эту громадину в сторону с проезжей части.

– Э! Друг! Надорвешься! Куда!

Арчи, заметив старания хипаря, бросился на помощь.

– Ничего! Не такое уж оно и тяжелое. – Молодой человек улыбался так естественно и светло, что Аркадий даже смутился. Арчи, когда попадал в странную ситуацию, начинал нервно покусывать свой рыжий ус. Вот и сейчас, прикусив усы, он пробормотал:

– Ну, давай вместе, что ли, попробуем! Как у тебя получилось его сдвинуть вообще! А так, с виду-то, и не скажешь! – Он, смерив взглядом довольно щуплое тело неизвестного гостя, схватился за другую ветку, и они, уже вдвоем, быстро оттащили дерево с дороги.

Легковушка проехала мимо без помех, а водитель лишь показал большой палец в окно, мол, спасибо, братцы! Так

держать!

Митрич уже стоял с бензопилой у калитки.

– Это как? Вы чего, вдвоем его двинули, что ли?

– Слушай, а оно не такое уж и тяжелое. Сам попробуй.

– Да я спину свою лучше поберегу. Спасибо! Ррразойдись! – И Митрич, картинно приподняв страшно зарычавшее орудие, приступил к распилу старого вяза.

Аркадий пристально посмотрел на хипаря:

– Друг! Слышишь? Сейчас Анюта придет. Я ей сказал, что ты здесь еще. Ну, в общем, ты дождись ее.

– Хорошо. Я подожду.

Работа спорилась. Митрич пилил вяз на ровные пеньки, а ребята складывали из них причудливую пирамиду неподалеку.

Они не заметили, как тихо подошла то ли девушка, то ли молоденькая женщина с короткой стрижкой, худенькая, в светлых джинсах и серой курточке. Кокетливым из всего ее образа был только голубой шарфик, повязанный на манер пионерского галстука.

– Привет!

– О! Небесная пионерка пришла. Нюта! Пионерский галстук должен быть красным! И завязан по форме! А это что у

тебя?! – Митрич ткнул пальцем в Анютин шарфик и безцеремонно схватил девушку за нос, когда та доверчиво поддалась на избитую шутку.

– Ну вот, опять дурацкие шуточки. Сколько можно?

– Привет! – уже обращаясь к хипарю, девушка улыбнулась и слегка смутилась. Юноша был чрезвычайно красив. Во всяком случае, женское сердце екнуло, и Нюта опустила глаза.

– Привет, Анюта! – сказал хипарь. – Митрич и Аркадий говорят, что мы с тобой знакомы. А я совсем ничего не помню. – Он рассмеялся так, словно они и вправду были знакомы сто лет, а ребята просто решили подшутить над наивной девушкой.

– Да?! Совсем-совсем?! – Анюта покраснела, улыбнулась и тут же перевела разговор на другую тему: – Ребята! Как же вы могли ничего не слышать и не видеть?! Ночью происходило что-то невероятное! Гроза была такая, что всё небо сверкало! То ли молнии, то ли северное сияние! Грохотало одновременно со вспышками! Всё небо крест-накрест рассекали линии разноцветные. Я пыталась сфотографировать, но ничего у меня не вышло.

Мама сказала, что, наверное, так выглядит апокалипсис. Много деревьев повалило. И телефоны не работали всю ночь.

– Ну, спали мы, значит, крепко. Одним словом, прозевали мы апокалипсис. Ты вот что, Ань, возьми-ка кавалера своего

да накорми его завтраком, что ли… А нам тут вот повозиться, разгрести еще нужно, порядок навести. Давай, старичок! – похлопал Митрич хипаря по плечу. – Заходите вечерком. Отдыхайте.

Глава 2

Анюта и молодой человек шли по размытой песчаной улице, перепрыгивая через глубокие канавки, выбирая ровный ландшафт и разглядывая сотворенные ночным «светопредставлением» художества.

Вырванные с корнем старые деревья, кое-где опрокинутые столбы, сорванные рекламные баннеры и много-много бурых камушков на дороге, взявшихся невесть откуда.

– Мы сейчас пойдем ко мне домой, и я приготовлю что-нибудь на завтрак. Правда, мамы дома сейчас нет. Она уехала на конференцию. Но это ничего. Вы блинчики будете? С вареньем. Я еще осенью наварила много яблочного варенья. С корицей. А есть и с рябиной, – тараторила Аня от стеснения.

– Только я не пойму, почему Арчи сказал, что Вы мой приятель. Нет, конечно, Вы теперь мой приятель, но мы же не знакомы были раньше? Или… Я бы вас запомнила. Вас как зовут?

– Я не помню, Нюта. Я ничего-ничего не помню.

– Совсем ничего? Даже имени своего? Боже! Что же делать? Но это же не я вас привела к ребятам?! Вроде бы нет… Да нет же! – засомневалась уже сама в себе девушка. – Я, конечно, очень рассеянная. Знаете, так бывает, когда постоян-

но о чем-то думаешь. Ну… Некоторые меня считают странной. Вообще-то, – она даже приостановилась и показала рукой в сторону старинного, довольно обшарпанного желтого здания с белыми полуколоннами, – я работаю в музее, научным сотрудником. Но еще я стихи пишу, – созналась Анюта. Щеки загорелись, Анюта прикрыла их ладонями и продолжила:

– Моя мама – психотерапевт. Она-то уж точно во всём разберется. Неужели у вас амнезия? Ах!

Аня внезапно остановилась как вкопанная. Руки ее, подпитавшись энергией красных щек, вдруг распахнулись:

– Я, кажется, поняла. Неужели?! Боже мой! Вас ударило молнией! Этой ночью! И у вас случилась амнезия! Наверное, так. Но… Почему же тогда Арчи и Митрич ничего не помнят? Ах… Ну да… Я говорила им, что этот их «сидр» – вовсе не «сидр»! Я однажды хлебнула этого так называемого «сидра». Взрослые дяденьки, а ведут себя как подростки!

Пока Аня сердилась, они дошли до маленького деревянного домика, давно перекрашенного в голубой цвет поверх прежнего зеленого, с ажурными наличниками, краска на которых облупилась и местами топорщилась, отчего домик имел вид весьма растрепанный и в то же время чем-то напоминал старинные бабушкины кружева.

– Ну вот, мы пришли. Вы собак не боитесь? У нас собака.

Ой, наверное, надо было бы его привязать сначала. Вы только не трогайте его. Стойте смирно.

Навстречу им вышел лохматый большой пес довольно угрожающего вида.

– Рекс! Нельзя! Иди на место.

Но Рекс и не вздумал повиноваться. Он подошел к гостю. Деловито обнюхал смиренно стоящего человека, после чего сел и дал лапу. Хипарь взял лапу Рекса, потрепал его по лохматой башке и сказал:

– Вот и познакомились, Рекс. Молодец!

– Вот это да! Я такое впервые вижу! Вы, наверное, очень хороший, раз Рекс на вас так отреагировал. Ну и хорошо, ну и славно. Пойдемте в дом.

Глава 3

– Ну что ж, давайте поговорим о настоящем! Как вы сейчас? Вас что-то беспокоит?

– …Мне нравятся наши встречи. Я жду этого дня потому, что надеюсь, что память моя вернется и я вспомню хотя бы свое имя.

– Да, да, благодарю. Мы будем делать всё возможное, чтобы это произошло. Но нам нужно стараться вместе. Итак! Расскажите о вашем настоящем. Вы ведете дневник?

– По правде сказать, нет. Я не веду дневник. Дневник ведет Нюта. Она записывает всё, что мы делаем, возможно, даже в стихах.

– Нюта – это ваша девушка?

– Анюта, это та девушка, которая дала мне приют. Я благодарен ей.

– Ах, да, Анна. Понимаю. Расскажите, как вы проводите ваш день.

– Вчера мы гуляли в лесу. Вернее, утром, пока Нюты не было дома, я разбирал книги. В доме много старых книг, и Нюта разрешила их посмотреть. Я вытирал пыль с полок и корешков, кое-что читал. Потом пришла она, и мы отправились гулять в лес.

– Что-то вас заинтересовало из просмотренных книг?

– Да. Много поэзии. Мне нравится поэзия.

– Вы выделили для себя каких-то поэтов? Может быть, вы запомнили что-то из прочитанного?

– Да, например, вот это. – Молодой человек посмотрел в окно на колышущиеся ветви, прикрыл глаза, начал читать:

– Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.
Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст,
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.
Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне…

Он сделал паузу, и тогда психотерапевт подхватил:

– Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь…
Будь же ты вовек благословенно,

Что пришло процвесть и умереть.

-Мда… Есенин! Я помню это стихотворение еще со времен студенческих. А вы?

– Вы попросили что-то из прочитанного мной. Я выбрал это.

– То есть вы хотите сказать, что, прочитав один раз, запомнили сразу всё стихотворение?

– Наверное. Просто оно мне понравилось.

– А что именно, не могли бы вы поделиться мыслями? Что именно вас затронуло в этом стихотворении?

– Душа автора.

– Угу…А помимо Сергея Есенина вам понравилось что-то еще?

– Да! Пушкин, Гумилёв, Майков, Бунин, Шекспир, Басё… Я понимаю, вас удивляет свойство моей памяти. Да, я могу повторить всё, что прочитал. Но не нужно экспериментов, прошу Вас.

– У Вас феноменальная память?!

– Возможно. Но более всего мне бы хотелось вспомнить, кто я. Мое имя. Хотя… Я еще не говорил вам… Нюта дала мне имя, и оно мне нравится.

– И какое же? Нет, вы не говорили.

– Она стала называть меня Михаилом.

Глава 4

– Так вот, этот ураган, или это «светопредставление», как говорят, пролетело повсюду! Ну, так выходит из сообщений СМИ. Проверить мы, конечно, это никак не можем, – нервно покусывая заусенец, сказал Рыжий.

– Ну а нам-то что с того? – Митрич поглядел с тоскою сквозь пространство.

– Да как что?! Весь мир на ушах! Это у нас слабенько еще было. А вот у них там! – Рыжий махнул неопределенно рукой куда-то за спину.

– И?

– Ну что «и»?! Будто вы не понимаете? Вы вот говорите, что не видели! А я своими глазами видел это всё! И Темыч! Ну, скажи им!

Митрич, Арчи, Темыч и Вадик Рыжий, как обычно, сидели во дворе, за большим деревянным столом, у поленницы. На столе было подозрительно пусто.

Вадик вынул из пачки папиросину, привычно размял перед тем, как поджечь, и затянулся, прищурившись, будто бы решал серьезную квантовую задачку и от прищура его зависел весь процесс решения.

Арчи замахал руками, разгоняя едкий дым:

– Друг, ты бы на трубку, что ли, перешел бы уж? Там хоть

табак ароматный.

– Да ладно тебе! В мире такое творится! Может, это моя последняя папироса!

– Хорошо бы! Вон, даже Митрич курить бросил, а ты всё дымишь! Мало, что ли, дыма в городах?!

– Так мы ж… Ой, ладно. – Рыжий с досадой бросил папиросину в кадушку с дождевой водой.

– Ну, старичок! Куда?! И не совестно тебе?!

– Да я Вам про мировой катаклизм талдычу, а вам всё равно! Вы, «старички», – погрозив кулаком в сторону компании, – буржуи! Развели тут, понимаешь! Посиделки!!! – Рыжий резко схватил свою кепку и устремился к калитке.

– Да куда, Вадик! Не кипятись! – попытался остепенить Рыжего Темыч.

– Пусть его, поостынет, вернется, – не меняя позы, тихо сказал Митрич. – Слушай, старик, я тут мелодию придумал. Может, песня получится. – Он потянулся за гитарой, которую заранее еще подготовил, примостив сверху поленницы. Обняв инструмент со всей нежностью, он наиграл несколько ажурных аккордов и посмотрел на приятеля. – Подыграешь на свиристелке какой-нибудь? Эдак нежно, филигранно чтоб.

Темыч, чернобородый богатырь с элегантной проседью в густых цыганских кудрях, достал из нагрудного кармана изящную тростниковую флейточку собственного изготовления и, приложив к пухлым губам, издал несколько чарую-

щих звуков.

В этот момент в калитку постучали.

– Открыто же!

Вадик Рыжий, преобразившийся, улыбающийся, распахнул калитку с улицы и по-хозяйски, широким жестом пригласил войти Анюту и хипаря Мишу.

– О! Нюта! Друг! Добро пожаловать! – Аркадий вскочил, приветствуя новых гостей.

– Вот! Кого я вам привел! Ну-ка! Подвиньтесь! – суетился подобревший Вадик. – А я чайку соображу, да, Митрич? – И, не дождавшись разрешения, побежал в дом.

– Вы, наверное, уже знаете, да? – Нюта почтила каждого из присутствующих своим фиалковым взглядом.

– Знаем что? Ах! Ну да! Михаил! Наш друг вспомнил свое имя! Это надо бы обмыть! – И Митрич, подцепив струну, издал забавный вибрирующий звук.

Нюта опустила глаза.

– Нет, я не вспомнил, – улыбнулся хипарь Мища. – Просто Анюта предложила мне это имя, и я согласился. Не может же человек без имени. Нюта сказала, что это имя мне подходит.

– Ага… Ну, хорошо. Это тоже можно обмыть. Но вот парадокс! Миша! Придется обмывать чаем! Алкоголь что-то не идет пока!

– Вам же Вадик пытался сказать, а вы его не слушали! –

Нюта не оставляла намерения достучаться и донести важную мысль. Вообще-то девушка очень редко позволяла себе вот так вот, в мужской компании, отстаивать свое мнение. Она знала про несерьезное отношение к ее персоне и что принимают ее здесь по какой-то неведомой ей причине.

– Что Вадик пытался сказать? Про мировые катаклизмы? Ну так они всегда были! – Митрич был непоколебим, хоть его глаза и заискрились то ли нежностью, то ли смешинкой. Митрич иногда мог смотреть своими хитрыми глазами так, что дамы от этого его загадочного взгляда теряли голову. Но только не Нюта!

– Послушайте! Вадик, может, слов правильных не подобрал. Но это и правда важно!

В общем…

Тут Рыжий подоспел с подносом, на котором громоздились чашки, горячий чайник и даже плетеная корзиночка с мятными пряниками.

– Поберегись! Разбирайте чашки!

Пока Аркадий разливал чай, Анюта поспешила со своими объяснениями:

– По всей земле одновременно пронесся этот ураган! Молнии сверкали повсюду, и весь мир видел этот странный ослепительный свет! Северное сияние! И да! Многие люди видели в небе еще некое явление…«Лицо» или «Лик». – Нюта сделала многозначительную паузу, обведя взглядом компанию. – Вы же знаете, что пропадала связь на какое-то

время? Именно в тот момент, когда всё это «светопредставление» происходило во всём мире, не было связи! Вообще! Интернет пропал, и телефоны выключились. Поэтому нет ни фото, ни видео этого явления. Есть только очевидцы! А очевидцы – это весь мир.

– Ну да… Кроме нас с Арчи, – резонно заметил Митрич.

– Ну да. Подожди! Дима! Это еще не всё. Вы же вообще не интересуетесь тем, что в мире делается. А я интересуюсь.

– Угу, искусствоведу, поэтессе совершенно необходимо знать о мировых проблемах, курсах валют и ситуации на фронтах мировых войн.

– Послушайте же! Нет больше войн! В том-то и дело! После этого явления все войны остановились! И вот еще что! Сегодня объявили, что… – Нюта теребила свой платочек, стесняясь продолжать.

– Ну не тяни уже! Раз начала, давай уж сразу все новости. Удиви нас еще больше!

– Даже и не знаю, как сказать. Ну, вроде как тот «лик», что был всем виден на небе, проявился в человеческом обличии, и он теперь вроде как руководитель… всего…

– А меня, значит, слушать не хотели! – Рыжий, резко вскочив, опрокинул чашку с чаем, быстро смахнул на землю разлившийся чай рукавом своей замусоленной курточки и сердито уселся на место.

– Мда… Дожили… – Темыч вертел в руках тростниковую флейту.

Арчи достал носовой платок из нагрудного кармана, снял очки, подул на стекла и тщательно протер несколько раз.

На какое-то время за столом повисло молчание. Потом тишину нарушил Митрич.

– То есть твоя мама, когда говорила про «апокалипсис», была, как всегда, права? – попытался пошутить Митрич.

Нюта только вздернула бровь.

– Ну, а ты, Миша! Ты, брат, что скажешь?

– А что так взволновало Вас? Вот и Анюта переживает. Почему?

– Вот! Согласен! Но, старик, тут же дело всё в истории и религиозном вопросе! Или ты и этого не знаешь, не помнишь?

– Я читал. Я знаю теперь.

– Теперь? То есть ты вот за эти последние дни успел усвоить историю всей нашей небольшой планетки?

– Да.

– А! Ну, тогда другое дело… – иронично ухмыльнулся Митрич.

Анюта с выражением посмотрела на Митрича, но того вдруг понесло.

– То есть парню отшибло память, у него нет ни одежды, ни документов, ну что ни спроси, ничего у него нет. И Он вообще не переживает ни о чем. Это ж как шибануть должно было, чтоб такое просветление получить?! Нет! Более того! Память отшибло, но теперь он за несколько дней изучил

всю историю с религиями вместе взятыми?! Чего вы переживаете, говорит он! – Митрич встал с места и пошел куда-то вглубь сада.

– Ты не обижайся на него. – Арчи уже нацепил на нос очки. – Просто последнее время творится в мире что-то уж совсем странное. Ты вот, друг, не помнишь ничего, и это, может, даже и хорошо! А мы стараемся жить тихой жизнью и не вникать ни во что. И вот, гляди ж ты, всё равно никуда от этого мира не спрятаться.

Михаил слушал Аркадия, глядя на живописную тропинку, по которой ушел вглубь сада Митрич. Вдруг Митрич проявился в зеленом солнечном коридоре. Он что-то аккуратно нес в ладонях.

– Глядите-ка! Кого нашел!

– Ох ты, кроха! Скворец молодой. Из гнезда выпал.

– В момент бы кошка слопала, если бы я не увидал. Она уж в позу встала, и тут я.

– Надо его обратно, в гнездо.

– Да как? Лестницы такой высокой у нас нет. На дерево я не полезу. Сломаю. Или сам сломаюсь, когда рухну вместе с веткой. Если только Рыжий полезет? Он самый компактный из нас.

– Не, я высоты боюсь, вы чего? Не, не полезу.

Михаил подошел к Митричу, погладил звонко пищащего птенца по крохотной головке, молча забрал его и пошел вглубь сада.

Все дружно отправились за ним.

Хипарь подошел к самому высокому дереву, спрятал птенца за ворот рубахи, отчего рубаха его затрепетала на уровне сердца, будто сердце хипаря выпрыгнуло наружу и застряло за белой тканью, поплевал на руки и полез вверх. Ловко, с невероятной легкостью, как заправский гимнаст, Миша добрался до цели, пробравшись по весьма хрупкой ветви до птичьего гнезда, вынул нежное существо из-за ворота и аккуратно вернул пропажу на место. Благодарные родители радостно щебетали и кружили рядом.

Глава 5

– Что ты взъелся на парня. Ну, странный. Согласен.

Аркадий, Митрич, Темыч и Рыжий сидели на прежнем месте. Аня с Мишей давно ушли по своим делам, и день уже клонился к вечеру.

– Не знаю.

– А я знаю! Ревнуешь потому что.

Митрич взглянул исподлобья на богатыря флейтиста, осмелившегося сказать правду.

– Да понятно всё! Что?! – продолжил бесстрашный Темыч. – Не ревнуй. Они не пара, это ж видно. Оба блаженные. Нет между ними ничего. Сплошная философия.

– Слышьте, погодите вы с романтикой этой! Я вот что спросить-то хотел. – Рыжий встрял вовремя, так как Митрич начал подозрительно сопеть. – Темыч, к тебе вопрос! Они ж не помнят ничего, проспали всё. – Он пренебрежительно махнул в сторону Арчи и Митрича. – А ты видел, свидетельствовал, так сказать.

– Ну?

– Ну! Нюта же говорила про лицо в небе!

– Ну?

– Ну что «ну»?! Ты-то видел?!

– Видел.

– Что думаешь?

– Я думаю, что это всё подстроено. Вот что я думаю! Технологии!

– А мирового лидера на фото видел? Похож?

– На кого?

– Темыч, ну, ты …. Специально, что ли, прикидываешься? На кого, на кого!? На лицо в небе!

– Да кто ж его знает?! Сказали, что похож, значит, похож. Сам-то что? Ты ж тоже видел!

– Хм… Я так специально-то не вглядывался…Да вроде похож… Да есть у меня мыслишка одна. Только вы опять…

– Да давай уже мыслишку свою. Выкладывай, раз невмоготу.

– Так… – Митрич встал, потянулся, хрустнув костяшками. – Видно, песен сегодня уже не получится… Вы тут обсуждайте мировой заговор, а я пошел. Дела, знаете ли. – Он забрал гитару и ушел. Бывают такие люди, которые хорошо умеют скрывать свои чувства, настроение, но все-таки их выдает нечто, о чем они и не задумываются и не стараются замаскировать. У Митрича одним из показателей его настроения была его походка. Косая сажень ссутулилась, длинные ноги зашаркали по-стариковски, и только гитара всё еще придавала его образу хрупкую надежду.

Аркадий тоже поднялся, деловито собрав со стола всё, что осталось от чаепития, и тоже ушел в дом.

– Так вот… Я чего говорю-то… – заговорщически про-

должил Вадик, пока Темыч, решив заняться полезным делом, достал из обширного кармана новую заготовку из тростника и острым ножичком стал проковыривать аккуратные дырочки.

– Смотрю я на гостя вашего. Ну, нашего… в смысле. Новенького-то. И будто бы, это самое… видел где его уже. И вдруг понял я, что чем-то он похож на то, что в небе-то было. А? Чего скажешь?

Темыч молча посмотрел на Вадима.

– Ну?

– А что ты хочешь услышать? Ну, красавчик, какие бабам нравятся. Ты в Гоа был? Вооот. А я был. Там таких знаешь сколько? Все философы блаженные, и всем память поотшибало. Но это с первого взгляда. А копни чуть, там такое! Уймись! Хватит мистики. И без мистики этой всякой брехни полно.

– Угу. Понял я тебя. Ладно. Давай, Темыч! Пошел я.

Глава 6

Василиса Андреевна, войдя в дом, поставила у порога два тяжеленных пакета с продуктами, поморщившись, сняла узкие полусапожки, легкий плащ небрежно бросила на пуфик.

– Как Ваши успехи, Мишенька? Как вам Владимир Яковлевич? Он хороший психолог, многим помог.

– Здравствуйте, Василиса Андреевна! Да, благодарю Вас! Он прекрасный психолог. Очень помогает мне.

– Анечка, подойди-ка сюда, помоги разобрать сумки.

Подметив своим профессиональным острым взглядом расстановку в гостиной – Анна за столом, что-то сосредоточенно пишет, длинноволосый красивый юноша сидит на диване неподалеку и рассматривает старинный дедов фолиант XVIII века «История человечества», – Василиса Андреевна облегченно вздохнула и продолжила:

– Не безпокойтесь, Миша, мы с Анечкой сами всё сделаем. У вас в руках ценнейший антикварный экземпляр! – И как бы в шутку погрозила пальцем.

Уже на кухне, разбирая пакеты, Нюта, ощутив на плече привычный зуд от материного взгляда, устало спросила:

– Что?

Василиса Андреевна прикрыла дверь.

– Доколе?! Я говорила с Владимиром Яковлевичем. Он настоятельно рекомендует обратиться в полицию. Может, его ищут?!

– Мама! Какая полиция? Или вы, психиатры, тоже не в курсе дела?

– В смысле – тоже? И в курсе какого дела?

– Мама!

– А кто еще не в курсе какого-то дела?

– Митрич и Арчи.

– Ага. Дмитрий и Аркадий! Чего такого не знают эти джентльмены, что тебя так возмущает?

Аня засунула в морозилку курицу и присела на краешек табуретки.

– Мам! Ты так говоришь, словно всё происходящее в мире тебя не касается.

– Дорогая моя девочка! Очень даже меня касается, что происходит в мире, в котором живем мы, вот в этом доме, в этой самой кухне, в конце концов.

Как долго может существовать человек без паспорта? Ну, мы помогли, приютили, что дальше? Миша – прекрасный добрый юноша, я полностью согласна. Но в нашем мире, увы, недостаточно быть просто хорошим человеком! Ты всё прекрасно понимаешь! Его же без документов даже грузчиком не возьмут. Да и какой из него грузчик?! Там же непонятно в чем душа держится. – Василиса Андреевна устало махнула рукой в сторону гостиной. – Что-то надо придумывать, и срочно! Особенно если учесть происходящее в мире, как ты правильно заметила!

Весьма противный звук мобильного телефона прорезал наступившую тишину. Нюта много раз просила мать сменить этот звонок, но Василиса не умела или просто не хотела справляться с современной техникой, несмотря на не старый еще, в общем-то, возраст и весьма высокое положение в обществе провинциального, но милого городка.

– Алло! Да, я в городе, а что случилось? Угу. А дежурный доктор кто у нас сегодня? Так… Бригаду вызвали? Ясно. Да. Хорошо, хорошо! Скоро буду. Выезжаю, да!

– Что случилось?

– Не справляются они. На работе ЧП. Там один… В общем… То ли передоз, то ли суицид… То ли… Пока не по-

няла. Надо ехать. Срочно. – И вдруг, на мгновение задержавшись взглядом на причудливом узоре голубого кухонного кафеля, Василиса, склонив голову и прищурив один глаз, заговорщически взглянула на Анну.

– Аня! А давай-ка прокатимся вместе. Бери Михаила, одевайтесь и быстро со мной. Попробуем один эксперимент.

– Мама! Он никакой не наркоман!

– Хорошо, хорошо. Просто доверься мне.

Уже в машине Василиса, поглядывая в зеркало заднего вида, поймала взгляд Михаила и заметила:

– Прокатимся до моей работы! Вам же интересно, Миша? Кстати, там будет и Владимир Яковлевич! Повидаетесь как раз! У вас когда следующая консультация?

– Завтра.

– Ну вот, может быть, появятся новые впечатления и интересные темы для обсуждения!

Глава 7

– Наденьте халаты и пойдемте со мной.

Василиса Андреевна вмиг преобразилась из милой уставшей мамы в строгого уважаемого доктора.

Нюта и Миша послушно надели белые халаты и проследовали за Василисой Андреевной.

Навстречу выскочили взволнованные врачи и медсестры.

– Доктор! Мы капельницу ему поставили. Анализы ждем! Бригаду вызвали, но они только через полчаса, сказали, будут, в лучшем случае, вызовов много. – Рядом семенил молодой дежурный врач и гундосил: – Там передозировка скорее всего, но чем – пока не определили. Он без сознания. Хорошо, что вы в городе. Без Вас никак.

– Это мы потом решим, «как» или «никак»! – жестко ответила Василиса.

Пока шли по коридору, из палат высовывались любопытные пациенты. Из ординаторской выскочил Владимир Яковлевич:

– Вы тут! Слава Богу! А зачем с вами… эээ? Ага! Понял, понял. Да, да, мудро!

Из крайней палаты, куда и направлялась вся группа, выскочила испуганная медсестра:

– У него пена… Изо рта.

На кровати под капельницей лежал истощенный молодой человек с темными кругами под глазами. На губах действительно уже пенилась розовая слюна.

– О Господи! – воскликнула Василиса Андреевна, бросившись к больному.

Внезапно Михаил, уверенным жестом отодвинув в сторону медицинский персонал, вышел вперед и, обернувшись ко всем, сказал:

– Закройте глаза!

Его голос был привычно спокоен и тих, но вся группа, включая Василису Андреевну, дежурного доктора, Владимира Яковлевича и всех медсестер, покорно закрыли глаза. Все, кроме Нюты.

Михаил подошел к лежащему юноше. Присев на краешек кровати, положил ладони на грудь больному. Неизвестно, сколько прошло времени в таком положении, но в какой-то момент он резко развел руки в стороны, будто бы распахнул створки невидимого шкафа.

– Нюта! Открой окно!

Нюта сейчас же бросилась к окошку, и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы отпереть старые, слипшиеся уже под слоями древней краски рамы. Открыла широко настолько, что свежий ветер мгновенно ворвался в палату, выхватив из рук медсестры пачку медицинских листочков, разбросал их по всему полу. Из груди же больного в этот миг, на глазах ошарашенной девушки, вылетела галдящая шум-

ная стая воронья, сделав круг по палате, устремилась в окно и растворилась в солнечном свете.

– Ну, вот и всё. Хорошо,– произнес Миша. Он встал с кровати больного, занял свое прежнее место позади группы медперсонала и сказал:

– Откройте глаза.

Глава 8

– Мы с Вами виделись вчера в реабилитационном центре.

– Да.

– Вы, разумеется, в курсе, что произошло ЧП, и Василису Андреевну вызвали в срочном порядке. Она же пригласила Вас, возможно для того, чтобы вы, оказавшись в стрессовой ситуации, смогли бы что-то переосмыслить или, может быть, даже вспомнить.

– Да, я понимаю.

– Однако все мы немало удивлены произошедшим! Или же весь персонал ошибался насчет больного, включая и вашего покорного слугу! Или же наша Василиса проявила невероятные чудеса профессионализма! Я всегда знал, что она замечательный доктор! Но чтобы пациент в передозировке, в таком вот состоянии очнулся от одного прикосновения красивой женщины – ну, это для меня, заскорузлого материалиста, знаете ли, чересчур. – Психолог поджал губы, отчего они сморщились и побелели. Владимир Яковлевич, мужчина, не избалованный женским вниманием, обладал неприметной внешностью, носил серые пиджаки двадцатилетней давности, не потому, что был бережлив, но по внут-

реннему убеждению, что именно это ему подходит. Волосы его начали редеть от того, что он часто и нервно поправлял непослушную челку, как ему казалось, игриво ниспадающую на весьма широкий лоб. Глаза, правда, он имел большие и, можно даже сказать, выразительные.

– Вы же присутствовали при этом? Что скажете, молодой человек?

– Василиса Андреевна профессионал! Она обладает чудесным даром исцеления.

– Да, да! Согласен! Но даже для меня, человека, который давно знает этого доктора и замечательную женщину, знаете ли, удивительно. Мы, конечно, дождемся анализов, сопоставим факты. Может быть, вкралась какая-то ошибка. Даже весьма вероятно! Хм… Ну что ж… Хм. Продолжим. Вы готовы поделиться впечатлениями о прошедших днях? О, конкретно, вчерашнем дне?

– Хорошо. Вы хотите знать, что я думаю о ваших пациентах и об этом юноше, с которым случилось плохое. Все эти люди искали путь, но не смогли найти. Многие из них имели огромный потенциал, но не справились с ним. Не потому, что слабы, но потому, что потеряли память.

– Простите? Кто потерял память? Я не совсем понимаю Вас.

– Многие забыли, для чего они тут.

– Вы имеете в виду… цель существования? Смысл жизни, так сказать?

– Да.

– Вам известна ваша цель?

– Да.

– И вы можете озвучить это сейчас?

– Да. Моя цель вспомнить, зачем я здесь. Кто Я. Если вспомню я, то, вероятно, помогу вспомнить и тем, кто позабыл.

– Да, глубоко копаете, Михаил! Интересно! Однако эти люди, которых вы видели вчера, больны! Они впали в зависимость от различных веществ, и теперь им сложно выбраться.

– Они искали путь и заблудились.

– А вы? Вы разве не искали свой путь? Ваша потеря памяти может быть связана с употреблением сильнодействующих психотропных препаратов. Если Вы не против, я бы попросил вас сделать анализ крови. Правда, придется отправить его в центр, так как у нас нет в городе такой серьезной лаборатории. Мы должны помочь вам! Вы же хотите найти своих близких и вернуться домой? Мы введем ваш анализ в базу данных и, возможно, быстро определим вашу личность. Видите ли, мы тут немного отстаем от центра и еще слегка задержались в прошлом, но нынешние технологии просто поразительны! Мир буквально преобразился! – Во взгляде психолога заиграли искры то ли научного азарта, то ли новой разновидности фанатизма.

Хипарь улыбнулся. Он смиренно сидел в кресле, опустив

взор на свои руки, сложенные на коленях. Владимир Яковлевич пристально вглядывался в спокойное лицо юноши.

– Хорошо, хорошо. Я не тороплю Вас, Михаил. Скажите, а как бы вы отнеслись к гипнозу? Я должен получить ваше согласие на сеанс гипноза, и, возможно, так мы с вами сможем, погрузившись в глубины подсознания, вспомнить что-то важное.

– Хорошо. Я согласен.

– Нуте-с, тогда приступим. Расслабьтесь. Сядьте удобно. И смотрите на краешек карандаша. Один – ваши глаза закрываются, два – вы расслаблены и спокойны, три – вы спите. Расскажите о детстве. Вспомните что-то из детства.

– Песчаная дорога с рытвинками, по сторонам – высокая колючая трава вперемешку с осокой. Мама держит за руку крепко-крепко, потому что я боюсь коров, пасущихся неподалеку. Они мычат грустно, призывно, но я чувствую угрозу в этом звуке, так что становится страшно. И страшно не за себя, но за маму. Кажется, что коровам не нравится моя мама, потому что мама громко кричит и ругает меня за какую-то провинность.

«Мама! Не уплывай далеко! Мама! Не уплывай!» – эти слова я кричу в бреду. У меня высокая температура, и мне страшно, что маму унесет течением реки и мама больше никогда не вернется. У нас в деревне река с очень быстрым течением и хрупкими песчаными берегами.

Мама ушла, оставив нас с сестрой. В доме сыро. Нужно

постоянно топить печь. Я сижу на полу перед ржавой заслонкой и подкладываю палочки в огонь. Мы с сестрой идем в церковь. Зима, очень много снега. На улице мне холодно, а в церкви много людей и душно. Сестра берет мою руку, складывает мои пальцы и пытается учить меня молиться. В нашем деревенском доме в красном углу висит икона Богородицы. Эта икона, пожалуй, всё, что осталось из детства.

Михаил поднял мокрые от слез глаза на психолога.

Владимир Яковлевич застыл в кресле, почти не дыша остановил свой взгляд на пациенте. После длительной паузы, едва разомкнув пересохшие губы, он промолвил:

– Зачем? Откуда вам известно о моем детстве? Я… Постойте. Нет, я никому не рассказывал. Вы… – Он нервно оттолкнулся от кресла, вскочил и подошел к окну.

– Да, моя мать оставила, бросила нас. Может быть, ее больше нет. А может, она умерла тогда. Я не знаю. У меня мало воспоминаний из детства. Наверное, вот эти одни из самых ярких. Старшая сестра моя прозябает в далеком монастыре. Мы не общаемся. – Психолог резко отвернулся от окна и подошел к хипарю.

– Как вы это сделали?! Вы не поддаетесь гипнозу. Это ясно. Да, такое бывает. Но чтобы… Такая эмпатия? Невероятно! Проникновение в сознание! У Вас несомненный талант! Гениально!

– Василиса – та женщина, которая сможет позаботиться о вас. Доверьтесь ей. Василиса теперь нуждается в поддержке

и мужском плече. Вы справитесь.

Владимир Яковлевич решительно вернулся на место, уселся в кресло и, с нескрываемым интересом взглянув в глаза пациента, уже более наставительно сказал:

– И всё-таки давайте сдадим анализ крови.

Глава 9

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.